

ББК 81.07
УДК 81'255.4

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

О.Ю. Абашова

В статье на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на английский язык с позиций когнитивного подхода рассматривается проблема выявления имплицитно представленных модальных значений и их передачи с одного языка на другой. Установлена роль многозначности при вычленении скрытых смыслов в контексте художественного произведения, охарактеризованы возможности их сохранения в тексте перевода.

Ключевые слова: имплицитность, имплицитный смысл, скрытая категория, модальное значение, значение необходимости.

Наивная картина мира, которая находит свое отражение в языке, сохраняется и аккумулируется в культуре и традициях, представляет собой не только совокупность образов и понятий, сформировавшихся на основе жизненного опыта носителей языка, но и определенную структуру мира. При этом лексика языка выражает образно-аксиологическую составляющую картины мира, а грамматика отвечает за структурные характеристики пространства текста, порождаемого языковой личностью. Согласно основному тезису когнитивной лингвистики об интерпретативном характере языкового мышления, человек не «отражает» в своих словах окружающую действительность, а представляет ее сквозь призму своего восприятия под определенным углом [1, с. 171], что обуславливает существование лингвистических универсалий, производных от лингвокреативной деятельности, из которых выделяется грамматическая категория модальности [там же]. Традиционно модальность понимается как «выражение говорящим отношения к описываемой им ситуации» [8, с. 685], в аспекте же когнитивной лингвистики модальность является фундаментальной основой реализации речевой деятельности, это необходимость для говорящего «по-

зиционировать» себя по отношению к языковому миру, который он создает.

Присутствие грамматической категории модальности во всех языках обуславливает возникновение тех или иных проблем, связанных с передачей «модальных отрезков» с одного языка на другой с наиболее полным сохранением всех модальных смыслов. В процессе перевода сверхфразовых единств или текстов, содержащих эксплицитно представленные модальные значения, с одного языка на другой основной задачей становится поиск соответствующих модальных «эквивалентов», которые с наибольшей точностью смогут передать все модальные оттенки, выраженные в оригинале.

Однако в тексте наряду с эксплицитно выраженными смыслами зачастую обнаруживается присутствие имплицитных, скрытых фрагментов информации. В таком случае можно говорить о подтексте, то есть явлении имплицитного содержания языка (подробнее об этом см.: [4, с. 44]). Согласно определению Е.В. Ермаковой, подтекст – это некоторое содержание, непосредственно не представленное в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекаемое из последнего при его восприятии [3, с. 18]. Имплицитное содержание может проявляться в изолированном высказывании или при включении данного высказывания в бо-

лее широкий контекст. Таким образом, возникает необходимость установить, что позволяет сохранить скрытые модальные значения, до какой степени возможно при переводе передать смыслы, имплицитно заложенные в сообщении.

Вслед за Г.К. Хамзиной мы будем считать, что имплицитная информация не имеет прямого вербального выражения, но содержание ее становится известным благодаря импликации – извлечению невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи (текста) или их элементов [7]. Другими словами, вся совокупность грамматических и лексико-грамматических категорий обладает значительным имплицитным потенциалом. При этом особенно «имплицитно-заряженными» являются лексические единицы, что во многом обусловлено явлением многозначности: лексическая полисемия представляет собой неиссякаемый источник для «смыслопорождения».

Многозначность представляет собой прежде всего лингвистическое явление, включающее языковую и речевую стороны, вследствие чего ученые выделяют языковую и речевую многозначность [2, с. 69]. В фокусе нашего внимания оказывается речевая многозначность. Так, Ф.А. Литвин полагает, что многозначность есть свойство слова как единицы языка, которое может быть использовано при функционировании слова в качестве компонента речевого высказывания, что обусловлено функцией этого высказывания в акте коммуникации [6, с. 5]. Согласно Р. Якобсону, «двусмысленность есть неотъемлемое внутреннее свойство всякого сообщения, сосредоточенного на себе самом» [9, с. 370]. Речевая многозначность как одновременная реализация нескольких значений (без указания на предпочтительный выбор со стороны контекста) является следствием отсутствия референционных ограничений [6, с. 5]. В качестве последних могут выступать ситуативные, лексические и морфологические ограничители. Принимая во внимание тот факт, что речевая многозначность возникает в процессе актуализации в речи языковой многозначности, мы можем выделить наиболее распространенный вид языковой многозначности, который со-

ставляет основу речевой многозначности, – лексическую полисемию. Присутствие референционных ограничений в микро- и макроконтексте помогает выделить то или иное значение лексической единицы с большей степенью определенности, а значит, подобрать более точные эквиваленты в процессе перевода с одного языка на другой и значительно облегчает вычленение имплицитного смысла, заложенного в контексте, то есть способствует сохранению имплицитного смысла в тексте перевода.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что передача модальных значений в процессе перевода возможна независимо от того, каким образом представлены данные модальные значения: эксплицитно или имплицитно. По мысли Л.В. Енбаевой, сохранение имплицитных смыслов при передаче на другой язык напрямую связано с явлением речевой многозначности, с отсутствием референционных ограничений, либо их различным составом в микро- и макроконтекстах, а также со стилистическими приемами, в которых она реализуется [2, с. 69]. Основываясь на данном утверждении, мы можем прийти к следующему заключению: чем меньше значений у той или иной лексической единицы или больше референционных ограничителей, присутствующих в контексте, тем больше возможностей сохранить имплицитно заложенную информацию в тексте перевода.

Наше исследование проведено на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на английский язык, выполненного М. Гленни (M. Glenny). На примере анализа языковых средств, участвующих в создании образов Понтия Пилата, Левия Матвея и Маргариты, выявлено, как актуализируются модальные значения необходимости: «вынужденность» и «долг». Названные персонажи, в некотором смысле калькирующие друг друга, предстают мечущимися между моральным долгом, долгом чести и добра, человеческим долгом и вынужденным подчинением необходимости, обстоятельствам в силу эгоизма, страха за свою жизнь и благополучие. Данные выводы мы делаем на основе анализа фрагментов романа, характеризующих моральный облик героев, причем данные характеристики представлены не экспли-

цитно, а имплицитно и вычленяются с опорой на предшествующий опыт и знания читателя.

Рассмотрим несколько примеров. *Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета* (Булгаков, с. 250). Использованный в данном случае лексический ряд (*ненавидел, предвещало нехороший день, преследовать*) косвенно раскрывает эмоциональное состояние подавленности Понтия Пилата, показывает всю ненависть к окружающему миру, которую он испытывает, и при этом всю полноту его безволия, подчинения необходимости. Ср.: *More than anything in the world the procurator hated the smell of rose oil, and now everything foreboded a bad day, because this smell had been pursuing the procurator since dawn*» (Glenny, p. 8). В переводе используется аналогичный (почти полностью эквивалентный) лексический ряд, способствующий передаче состояния ненависти и неприязни к миру, предчувствия неминуемой беды, в котором пребывает Понтий Пилат. При этом следует отметить, что используемые языковые средства *hated, foreboded, bad day, had been pursuing* являются однозначными и не выражают дополнительных смыслов.

Ненависть Понтия Пилата ко всему: к городу, в котором несет службу; к окружающим людям; даже к запаху, окутывающему его, но при этом невозможность разорвать невидимые оковы выражены в следующем контексте: *О боги, боги, за что вы наказываете меня?* (Булгаков, с. 251). Обращение *о боги, боги* – призыв к объективному божественному началу, которое обрекает на подобные мучения. Примечательно использование глагольной словоформы *наказываете*: страдания воспринимаются как наказание за грехи, подчинение и смирение в этом случае воспринимаются как нечто безусловное. Ср.: *Oh, gods, gods, why do you punish me?* (Glenny, p. 8). В английском переводе также используется обращение с повтором *oh gods, gods* в сочетании с глаголом *punish*, выражающим значение «заставлять страдать за сделанную провинность, непослушание». Пилат смиряется, понимая, что повинен во многих грехах.

Использование однозначных лексических единиц обнаруживается также и в следующем примере (при описании отчаяния Левия Матвея): *Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, поносил своего отца и мать, породивших на свет глупца* (Булгаков, с. 396). Ряд лексических единиц, выражающих отрицательную оценку (*проклинал, рычал, плевался, поносил*), передает то презрение к себе как трусу, которое испытывает Левий Матвей, а презрение это вызвано именно неспособностью противостоять необходимости, обстоятельствам и пренебречь страхом за собственную жизнь, спасая от мук бедного философа; на первый план выходит трусость и безволие героя, нежелание противостоять собственному эгоизму и страху. Ср.: *He cursed himself, calling out meaningless words, growled and spat, abused his father and mother for bringing a fool into the world* (Glenny, p. 65). В английском тексте романа также используется ряд лексем, передающих семантику горя и отчаяния, ненависти и презрения к самому себе и проявленному малодушию: *cursed himself* (проклинал себя), *growled and spat* (плевался и рычал), *abused* (проклинал), *fool* (дурак). Здесь, как и в рассмотренном выше примере, использованы однозначные лексические единицы, при переводе которых не теряется скрытая информация.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что вероятность сохранения имплицитных смыслов в английском переводе тем больше, чем больше языковых средств с ограниченным кругом значений применяется для перевода.

Рассмотрим контекст, где степень сохранения имплицитных смыслов снижается: *Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы <...>. От нее нет средств, нет никакого спасения* (Булгаков, с. 251). Ср.: *Yes, no doubt, this is it again, the invincible, terrible illness, hemicranias, when half of the head aches <...> there is no remedy for it, no escape* (Glenny, p. 8). Использование ряда отрицаний (*нет сомнений, непобедимая, нет средств, нет никакого спасения*) подчеркивает неизбежность кары, полное подчинение решению свыше (здесь имеется в виду как высшая земная власть, которая на-

правила Понтия Пилата в Иудею, так и божественная, которая насыщает такую болезнь). *Гемикрания* – метафора, обозначающая «наказание Божие». Использование эмоционально-оценочных прилагательных *ужасная, непобедимая* призвано усилить ощущение неотвратимости кары. В английском тексте (как и в русском) используется ряд отрицаний, образующихся при помощи частицы: *no doubt, no remedy for, no escape*. Однако лексические значения использованных в английском переводе эквивалентов обнаруживают отличия от значений лексических единиц русского языка. Так, для перевода словоформы *средств* эквивалентом становится существительное *remedy*, первым значением которого является «лекарство, средство исцеления» и только вторичным – «средство». В качестве референционного ограничения выступает упоминание болезни, что обуславливает употребление лексической единицы, актуализирующей в восприятии читателя первое значение данного существительного. В оригинале же романа под гемикранией подразумевается не просто болезнь, но совокупность тех мук и душевных терзаний, на которые обречен Пилат, следовательно, семантическое наполнение словоформы *средства* представляется в этом случае более широким и включает в себя указание на способы избавиться от существующего бремени, восстать против того, что навязывает его положение. Словоформа *escape* несколько отличается по значению от русского *спасение*, поскольку выражает, прежде всего, значение «избавление, бегство от чего-либо». В русскоязычном оригинале слово *спасение* обозначает не просто освобождение, но воскрешение души, личности как таковой, которая вынужденно подчиняется и не может раскрыться в таких условиях. Итак, появление дополнительных смыслов у русских лексических единиц усложняет точную трансляцию имплицитных значений, в данном случае скрытого модального значения необходимости. При этом присутствие референционного ограничения может способствовать неверному истолкованию скрытой метафоры. Другими словами, присутствие нескольких значений затрудняет процесс передачи имплицитной информации с одного языка на другой.

Передача имплицитных смыслов возможна и при использовании синтаксических конструкций. В случае использования наиболее полной и приближенной к оригиналу синтаксической конструкции степень сохранения имплицитной информации выше. Например: *Да, да, да, та же самая ошибка! Зачем я тогда ночью ушла от него? Зачем? Ведь это же безумие!* (Булгаков, с. 430). Проявление малодушия, сомнения воспринимается Маргаритой как безумие. Повтор утвердительного слова – *да, да, да* – создает эмоциональный накал, показывает всю глубину сожаления и осознания сделанной ошибки. Маргарита проводит параллель между своей бедой и бедой Левия Матвея, между совершенными ими ошибками, ведь оба они поступили своим моральным долгом под давлением обстоятельств. И далее в романе: *Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука? <...> Но все же нельзя за это наказывать так жестоко* (Булгаков, с. 431). Для Маргариты сознание своей вины становится «пожизненной мукой», она «наказана», жестоко, справедливо. Ср.: *Yes, yes, yes, the very same mistake! Why did I leave him that night? Why? It was madness!* (Glenny, p. 86). В английском переводе сила переживаемых героиней чувств передается повтором *yes, yes, yes* (в соответствии с русским оригиналом), а также неузуальным использованием определенного артикля в совокупности с наречием *very*.

Изменение синтаксической конструкции оригинала может приводить к изменениям смысловых акцентов в переводе. Например: *Прокуратор при этом сидел как каменный <...> Прокуратор был как каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой* (Булгаков, с. 251); ср.: *The procurator sat as if made of stone while he spoke, and only his lips moved slightly as he pronounced the words. The procurator was as if made of stone because he was afraid to move his head, aflame with infernal pain* (Glenny, p. 8). Смысловой акцент в данном случае приходится на прилагательное *каменный*, повторяющееся в двух сравнительных оборотах: *сидел как каменный, был как каменный*. Прокуратор готов был терпеть адскую боль и сидел как каменный, потому что боялся. Употребление прилагательного *адский*, ха-

рактизирующего испытываемую боль, подчеркивает, насколько велик страх прокуратора: он скорее будет терпеть боль и ненавистную обстановку, чем откажется от своих обязательств. Множественный повтор однокоренных слов со значением «боль», который мы встречаем в дальнейшем описании страданий Прокуратора (*болеть, боль, болезненный, больной*), не находит своего отражения в английском переводе, поскольку в английском языке слова, обозначающие боль, в большинстве своем не являются однокоренными. В связи с этим теряется эффект повтора-нагнетания. В анализируемых нами примерах различие в построении предложений между русским оригиналом и английским переводом очевидно. В предложении *Прокуратор при этом сидел как каменный* между подлежащим и сказуемым находится обстоятельство, выраженное местоимением с предлогом (*при этом*), в английском переводе обстоятельство преобразуется в придаточное времени (*The procurator sat as if made of stone while he spoke*) и следует уже за сравнительным оборотом, благодаря чему в английском варианте достигается единообразие в построении двух следующих друг за другом предложений. В результате появляется ощущение нарастания напряженности: сначала Пилат кажется каменным, полностью подавленным обстоятельствами (*The procurator sat as if made of stone*), затем он становится каменным изваянием, в нем все меньше и меньше жизни (*The procurator was as if made of stone*). Таким образом, в английском переводе усиливается состояние полного безволия героя, подавленности и отчаяния, постепенного угасания. Прокуратор становится все более безжизненным, агония духа и тела начинает им овладевать (*aflame with infernal pain*). Данный пример иллюстрирует возможности синтаксических конструкций в выделении тех или иных смысловых частей высказывания, приводящем к сдвигу смысловых акцентов, в результате чего информация на другом языке воспринимается иначе.

Таким образом, исследуя речевые средства, характеризующие персонажей романа, мы обнаруживаем опосредованное, косвенное выражение модального значения вынужденности: внутренние диалоги героев, которые происходят в разное время, но перекликаются между собой, позволяют вычленить лексические ряды,

скрывающие в себе данное модальное значение. Оценивая свои действия и поступки с точки зрения вынужденности их совершения, полностью подчиняясь и принимая «вынуждающие обстоятельства» как неизбежность, герои все-таки находят в себе силы раскаяться, признать совершенные ошибки и идти дальше, бороться за то, во что верят. При переводе текста особую трудность вызывают многозначные лексемы. Трансляция скрытого смысла происходит полнее и адекватнее в том случае, когда языковые единицы имеют меньше значений. В синтаксическом плане использование различных конструкций в процессе перевода оказывает влияние на степень сохранения имплицитной информации: чем ближе они к тексту оригинала, тем полнее передаются скрытые смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дягтярева, И. В. Когнитивная природа языковой модальности в становлении языковой картины (на материале пословиц урду и английского языков) / И. В. Дягтярева // Молодой ученый. – 2010. – № 12 (23). – С. 171–173.
2. Енбаева, Л. В. Переводческое решение речевой многозначности в произведениях нонсенса / Л. В. Енбаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – Вып. 37, № 35 (173). – С. 68–70.
3. Ермакова, Е. В. Имплицитность и подтекст: термины и понятия, стоящие за ними / Е. В. Ермакова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2010. – № 5 (49). – С. 15–19.
4. Ермакова, Е. В. От общих принципов мышления к имплицитной многозначности художественного текста / Е. В. Ермакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – Вып. 17, № 22. – С. 42–47.
5. Латышев, Л. К. Технология перевода: учеб. пособие по подгот. пер. (с нем. яз.) / Л. К. Латышев. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
6. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – Изд. 2-е, стер. – М.: КомКнига, 2005. – 120 с.
7. Хамзина, Г. К. Соотношение имплицитных и эксплицитных компонентов семантики высказывания-номинатива / Г. К. Хамзина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kcn.ru/tat-ru/universitet/fil/kn7/index.php?sod=36>. – Загл. с экрана.
8. Уфимцева, А. А. Знак языковой / А. А. Уфимцева // Языкознание. Большой энциклопедический

словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 1998. – С. 685.

9. Jakobson, R. *Linguistics and Poetics* / R. Jakobson // *Style in Language*. – N. Y. : Beijing Publishing House, 1960. – С. 370.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Булгаков – Булгаков, М. А. *Мастер и Маргарита* / М. А. Булгаков // Булгаков, М. А. *Избранное*. – Ташкент : Узбекистан, 1989. – С. 525.

Ожегов, С. И. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 687 с.

Glenny – Bulgakov, M. A. *Master and Margarita* / M. A. Bulgakov ; transl. from Russ. by M. Glenny. – London : Methuen Publishing Ltd., 2003. – С. 5–123.

Oxford English Dictionary. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 547 p.

THE PROBLEM OF IMPLICIT MEANINGS REPRESENTATION IN TRANSLATION

O.Yu. Abashova

The article describes cognitive attitude to modality, modality in different languages, the problem of the implicit modal meanings translation based on M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Special attention is paid to the difficulties of the implicit meanings translation in the text, as well as the means of the implicit modal meanings expression.

Key words: *implication, implicit meaning, implicit category, the modal value, meaning of necessity.*